

А.И. Яковлев

Опыт революции 1968 года и «арабской весны»

Устойчивая повторяемость отдельных явлений, очевидное сходство ряда процессов в экономической, социальной и политической жизни многих стран в новейшее время позволяют предположить существование некоторых общих закономерностей и общего механизма модернизации общества. Это дает возможность рассматривать наиболее яркие, «пиковые» события в качестве модели для прогностических целей¹.

Представляется целесообразным рассмотрение опыта такого яркого и важного явления новейшей истории, как события 1968 г., давшие «второе дыхание» западной модели современного развития, а также оказавшие существенное влияние на общественно-политическое и культурное развитие не только стран Запада, но и Востока. Спустя несколько десятилетий в них видны не случайные совпадения разнородных явлений, а проявления одного механизма общественного кризиса, элементы которого можно обнаружить в событиях сегодняшнего и вчерашнего дня не только в западноевропейских странах, но и в КНР, Египте, Бахрейне и других странах Востока².

«Исторический бумеранг» напоминает нам в иной ситуации и подчас с иной направленностью о тех же явлениях, что происходили в 1968 г.

1

Вплоть до настоящего времени 1960-е годы рассматриваются преимущественно в контексте «холодной войны», противоборства стран Востока с Западом или замечательных технических достижений. Все остальные события, занимавшие тогда умы людей и притягивавшие их напряженное внимание, изрядно подзабыты.

Но мы недооценивали 1960-е годы. Сейчас очевидно, что они оказались водоразделом, за которым начиналась новая эпоха. И Революция 1968 г. не сводится к политическим переменам во Франции или тогдашней Чехословакии. Различные события, происходившие на протяжении одного 1968 г. в различных странах мира, по нашему мнению, оказались элементами общемирового явления.

¹ В год юбилея Отечественной войны 1812 г., как не вспомнить поразительное до деталей сходство агрессии Наполеона и предшествующих ей событий во французо-русских отношениях с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (назревание конфликта, его оттягивание, дружественные соглашения и катастрофическое начало боевых действий).

² Механизм реформ, общий для различных типов общества, рассматривался автором в: Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. М., 2006.

То была первая глобальная революция, открывшая эпоху глобализации; то было видимое начало процесса угасания одной формации и возникновения новой формационной системы, начало новой *Большой волны развития* (К. Перес), наряду с технологической революцией и началом господства финансового капитала. Отдельные ученые давно указывали на это (П. Сорокин, Э. Тоффлер). Но изменения происходили медленно, в разрозненных сферах общественной жизни, и обыденное сознание не было готово воспринимать их всерьез.

Кризис капиталистической (индустриальной, современной) системы (формации) проявился вначале не в экономике, а в сфере политики в таких разных странах, как США и Франция, Германия и Италия, СССР и ЧССР. Это массовые студенческие волнения в большинстве западноевропейских стран, следствием которых стали во Франции уход президента де Голля и завершение периода президентов-демократов в США; это крах надежд на либерализацию коммунистической системы в СССР и социалистических странах, наряду с провалом «культурной революции» в КНР; это мощные волны забастовок рабочих во Франции и Италии и появление леворадикальных молодежных организаций, развернувших вооруженную борьбу с властью в Германии и Италии, а в Мексике — формирование широкой оппозиции власти, после массового убийства студентов в Тлателолко³. В это десятилетие страны Востока переживают немало общественно-политических переворотов, ставших выражением объективной потребности в модернизации по западной модели. И находящиеся в западной модели «семена кризисности» кое-где дали ростки.

Само по себе явление кризисности свидетельствует либо о неблагополучии системы, либо о выработке системой своего ресурса, однако ее проявления воспринимались несерьезно.

Ведь по многим формальным показателям в названных странах развитие шло вполне успешно. Большинство населения полагало, что «золотая эпоха» prosperity (процветания) продолжится.

1950–1960-е годы стали периодом промышленного бума в глобальном масштабе. Промышленность стала ведущей отраслью экономики, а сельское хозяйство отошло на второй план. Изменились уровень и качество жизни. Возросли потребности общества и возможности их удовлетворения.

Таким образом, к середине XX века западная модель подошла к пределу своего многовекового

³ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004, с. 321.

развития, произошло то, что предсказал в 1935 г. Й. Хейзинга: «Духовно и материально мы уже давно живем в изобилии. Мы так носимся с жизнью, потому что она стала для нас чрезвычайно удобна. Постоянно обостряющиеся возможности восприятия, легкость духовного общения вносят в жизнь силу и дерзновение. Более чем до середины XIX столетия даже состоятельные люди на Западе гораздо чаще и непосредственнее соприкасались со скудостью существования, чем привыкли мы, считая к тому же, что так оно и должно быть... Человек постоянно ощущал со всех сторон природные ограничения земного благополучия. Действенные усилия техники, гигиена и улучшение санитарного состояния среды избаловали человека. Он утратил добродушное смирение, привычку к каждодневной нехватке удобств — урок предшествующих поколений... Жизнь сделалась слишком легкой. Моральная опора оказалась слишком слабой, чтобы нести все эти богатства»⁴.

Стоит обратить внимание на важное значение рационализации мышления и мировосприятия буржуазного общества на Западе, отмеченного еще М. Вебером. Последствия этой «интеллектуальной революции» сыграли важную роль в ходе становления современного капиталистического общества. К. Доусон отводит ей главную роль наряду с политическими и экономическими революциями: «Именно эта революция ответственна за секуляризацию западной культуры. Это интеллектуальное движение, подобно большинству движений, изменивших мир, было религиозным по своему происхождению, хотя и антирелигиозным по своим результатам»⁵.

В результате нарушения органичного развития самой системы возникла оппозиция системе внутри нее. Эта оппозиция виделась настолько слабой и незначительной, что ее вызов не воспринимался как реальная угроза существованию системы. Власти во всех странах Западе привычно ожидали угрозу со стороны известных политических противников, ведь ранее революции всегда начинались в сфере политики. Забывалось, однако, что главное всегда совершалось за рамками политической жизни, принося в нее лишь свои результаты. Главное же — перемены в сознании людей.

Таким образом, возникший в странах Запады кризис захватывал преимущественно идейную, политическую, духовную и культурную сферы общественной жизни. Проявления неблагополучия в экономике были намного слабее, хотя и на них указал первый доклад Римского клуба⁶.

В связи с этим правомерно ли применение понятия революция к событиям 1968 г.? Полагаем, что

да, исходя не из последующих результатов, а из объективно и субъективно возникших целей протестного движения и методов действия их участников.

Прежде всего, укажем на насилие, физическое и нефизическое, повсеместно используемое в ходе событий 1968 г. А также цель, очевидная для большинства участников тогдашних событий, — радикальное изменение общественного уклада, разрыв с существующей общественной системой. Принцип незаконного насилия и коренное изменение существующих уклада и образа жизни есть очевидные параметры революционного явления. Наконец, «отделение религии от политики и возрастающая значимость мирских дел на самом деле представляют главный фактор феномена революции», — подчеркивала Х. Арендт, заключая, что сама революционная логика ведет к «установлению нового секулярного миропорядка»⁷.

Нельзя обойти важное определение революции, данное П.А. Сорокиным: «Революция — это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики, идеологии, убеждений и верований, морали и оценок — с другой... (курсив наш. — А.Я.)»⁸. Конечно, Сорокин думал и писал о великих социальных революциях, однако их дело в рамках общественной системы завершают и закрепляют «малые» революции, обладающие теми же родовыми чертами.

Необходимым условием революций был и остается пересмотр системообразующих принципов системы. Обязательным и первоисходным был, предлагался и насаждался — отказ от таких системообразующих принципов общественной жизни, как иерархичность и нормативность. Ведь классический либерализм, ставший преобладающей идеологией современного общества, выработал формулу «плюрализма ценностей», обретшую позднее ярлык «толерантности», что означало либо отсутствие абсолютных ценностей, либо относительность всевозможных ценностей.

Между тем принцип иерархичности основывался на вертикально ориентированной системе ценностей христианской цивилизации, в которой существовала изначально высшая и безусловная, абсолютная ценность — Бог. Жизнь семьи и общества строилась на этом принципе, производным от которого стал принцип патриархальности, патернализма. Теперь же уравнивалось высокое и низкое, большое и малое, горнее и дольнее.

Принцип нормативности имеет историческую обусловленность и временные границы. Различным историческим эпохам присущи различные нормы в экономической и социальной жизни, политике и культуре, в семейных отношениях и взаимоотношениях государств, и различные субъекты общественной жизни, так или иначе, руководствуются или

⁴ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. За темный мир. Эссе. СПб., 2010, с. 73–74.

⁵ Доусон К.Д. Боги революции. СПб., 2002, с. 68.

⁶ См.: Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста: 30 лет спустя (пер. с англ.). М., 2012, с. 14–16.

⁷ Арендт Х. О революции (пер. с англ.). М., 2011, с. 26.

⁸ Сорокин П. Социология революции. М., 2008, с. 32.

принимают во внимание общепризнанные на определенный момент правила. В 1968 г. норма нигде не принималась во внимание. Согласно возникшему тогда афоризму, «единственное правило нашего времени состоит в том, что правил больше нет».

Таким образом, протест возник не против отдельных недостатков системы, а против ее системообразующих начал. Взамен предлагались иные начала, иные принципы и ценности.

Самоидентификация восставшей внутренней оппозиции определялась принципами плюрализма и относительности всех ценностей, а также двумя критериями: возраст и отказ от Традиции.

Ранее дети и молодежь неизменно были состоянием, предшествующим настоящей, взрослой жизни. Теперь же было декларировано, что молодость — это самодостаточное состояние, не нуждающееся в дальнейшем развитии.

Обществу были предложены, как это неизменно случается в эпоху революционных перемен, новые ценности, новые идеалы и цели жизни. Названные идеи, как всякие революционные идеи, были впоследствии смягчены временем. После революционного «забегания» далеко вперед произошел неизбежный «откат», смягчение радикализма идей, но — не отказ от них.

Что же это за новые идеи? Их новизна не в историческом плане, ибо *нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1:9), а в том, что они впервые претендовали на статус господствующих в обществе.

Новые идеалы (личность, абсолютно свободная от всего и всех). Новые ценности (эгоизм, эгоцентризм). Новые цели жизни (хочу всегда радоваться, не хочу страдать). Новый образ жизни (получение удовольствия). Новая мораль (мне можно все, что доставляет мне удовольствие).

Такого рода гедонистические начала присутствовали всегда, но их сдерживала и ограничивала Традиция, основанная на христианской системе ценностей. Теперь же появился немалый социальный слой — молодежь (а не отдельные личности, как это было ранее на протяжении столетий), — готовый отказаться от Традиции и желающий жить по новым началам.

Вот этот «пафос новизны» в сочетании с абстрактной «идеей свободы», по мнению Х. Арндт, также позволяет говорить не просто о бунте или мятеже, не покушающемся на коренные начала, а именно о революции⁹. Ранее П.А. Сорокин в качестве решающей причины революции называл дезинтеграцию религиозных, моральных, юридических и других ценностей общества, в котором возникает расширяющийся разрыв между системой ценностей привилегированных и правящих групп и системой ценностей низших, средних и непривилегированных групп. Такого рода конфликт ценностей дополняется экономическими и социальными контрастами.

⁹ Арндт Х. О революции (пер. с англ.). М., 2011, с. 39.

В 1960-е годы в индустриальном западном обществе возникла молодежная культура, новые нормы морали и новый уклад жизни. После спада волны революции, в 1970-е годы, произошел определенный ее «откат» от явно радикальных целей и норм. Тем не менее, возникшее явление заняло свою нишу в западном обществе, существенно повлияв на него, а затем, в 1980-е годы, плавно укоренилось в Восточной Европе и СССР, во многих странах Азии. Более того, по мнению Э. Хобсбаума, «молодежная культура стала ферментом культурной революции в более широком смысле этого слова — а именно революции в привычках и обычаях, в способах проведения досуга и в области коммерческого искусства, которое все больше формировало атмосферу городской жизни»¹⁰. Таким образом, молодежная культура оказалась естественным порождением мирового процесса урбанизации.

Этой культуре был присущ нигилистический элемент, отрицание «старой» морали и всего «старого» порядка жизни. По сути дела, революция ставила своей целью личное и социальное освобождение индивида от сковывающих его уз государства и родителей, законов и обычаев. Эти основы расшатывались экстремистскими действиями, свободным сексом и наркотиками, которые, конечно, существовали и раньше, но с 1968 г. стали публичными, были превращены в нормативные.

Тем самым утверждался принцип неограниченной свободы желаний любого индивида. Миру предлагался путь распада миллиарда индивидов, которые характеризовали бы лишь их личные желания.

Новая система ценностей разительно противоречила традиционной, основанной на аскетических идеалах протестантского общества раннего капитализма. Она так и осталась бы маргинальным проявлением определенной исторической ситуации, если бы ее перспективность не оценили дальновидные представители бизнеса.

В то время в мощной западной экономике назревал экономический кризис перепроизводства, разрешить который привычными методами было затруднительно. И тогда началось всемирное развертывание новой модели капиталистического производства, опробованной к тому времени в США: модели массового производства. В ее основу были положены идеи новой «молодежной» субкультуры — непрерывное удовольствие, которое следовало получать от непрерывного и неограниченного потребления разных товаров. Ведь бунтари против всех и всяческих устоев вполне принимали принципы, на которых построено общество массового потребления, общество крайних индивидуалистов.

Традиционный принцип *потребления для удовлетворения потребностей* человека (всегда более или менее ограниченных) был заменен принципом

¹⁰ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004, с. 353.

потребления ради удовлетворения желаний человека (всегда не имеющих границ). Таким образом, смена аксиоматики означала смену модели экономического развития.

Начинается эпоха господства новой системы ценностей, редко осознаваемая современниками. Ведь перемены происходят постепенно, год за годом, десятилетие за десятилетием. И мы точно так же, как жители Римской империи, переживавшей кризис на протяжении трех столетий, не осознаем глубинных причин и последствий неотвратимо наступающих перемен.

Неизбежно ли это? Можем ли мы остановить или повернуть вспять? В пределах человеческой жизни возможно, но развитие общественно-производственного организма, каким является наше общество, происходит по присущим ему законам. Возможность выбора есть всегда, но если пройдена точка выбора и начинается зона невозврата к исходному состоянию, то тут ничего не поделаешь. Возможно, что не сойдись в одной точке два явления — молодежный протест и кризис материального производства, общественное развитие западного мира пошло бы немного иным путем, а за ним — и развитие остального мира. Но произошло то, что произошло.

2

Рассмотрим названные явления подробнее.

Имелись различные и реальные причины недовольства молодежи на Западе в 1968 г. В то же время в интеллектуальной жизни стран Запада сложилась левая идеологическая основа протестного движения.

В марте 1968 г. студенты Римского университета вышли на демонстрацию, неся плакат с тремя большими буквами М, означавшими их идеологов: Маркс, Мао и Маркузе. Впрочем, идеологов было больше.

В Китае в 1968 г. в самом разгаре была «культурная революция», начатая Мао Цзедунем в 1966 г. Ради укрепления своей власти Мао обратился к новому, послереволюционному поколению китайцев, к 17-летним юношам и девушкам, выросшим в условиях коммунистического Китая. В апреле 1966 г. он опубликовал 16 пунктов, как бороться и сокрушить людей, «стоящих у власти в партии и идущих по капиталистическому пути», к числу которых он причислил всю оппозицию.

Леваки во всем мире восхитились этой попыткой сделать революцию чище и лучше, бороться с «ползучим буржуазным сознанием» усилиями молодых «красных охранников» (хунвейбинов), в отличие от «лицемерия» «обуржуазившегося» СССР. Леваки не видели, что в Китае возникло не стихийное движение чистой молодежи, столь их восхитившее, а действовал политический расчет.

За активностью житейски неопытных и нетерпеливых студентов и старшеклассников стояло близкое окружение Мао, желавшего сохранить власть. В августе 1966 г. его собственная дацзыбао «Открыть огонь по штабам» привела к возникновению отрядов цзаофаней (бунтарей) из числа рабочей молодежи. К лету 1968 г. «культурная революция» привела к спаду промышленного производства в Китае и ослаблению государственных и партийных структур, подавляемых самозваной властью ревкомов. Сам Мао в июле 1968 г. заявил руководителям хунвейбиновских организаций о необходимости «прекратить борьбу с применением силы», вскоре началась ликвидация хунвейбиновского движения¹¹.

В то время на поверхность выносились и приобретали широкую известность идеи разных людей. В Европе широкой известностью и авторитетом пользовались идеи Альбера Камю, писателя, участника французского Сопротивления, лауреата Нобелевской премии (1957), погибшего в автокатастрофе в 1960 г. в возрасте 47 лет. В эссе «Миф о Сизифе» (1942) он утверждал абсурдность человеческого существования, в повести «Посторонний» (1942) описал современный мир как мир бесправия, отчуждения, обреченности и равнодушия, где человек ощущает себя «посторонним»; а в романе «Чума» (1948) молодые читатели находили призыв к активности, к человеческой солидарности в борьбе против зла. В трактате «Бунтующий человек» (1951) Камю утверждал, что бунт — это дело человека информированного, обладающего сознанием своих прав. Бунт возникает в обществах, отпавших от Священного, и для людей, живущих в «десакрализованной истории», бунт является одним из существенных измерений их бытия: «Я бунтую, следовательно, мы существуем», поэтому уделом современного человека являются «война и революция». В стремлении выработать новый гуманизм Камю полагал, что красота и свобода способны вывести человека из изоляции, обогатить его духовно, помочь установлению в обществе социальной справедливости.

Роже Гароди в то время был членом Политбюро ЦК Французской компартии, но заслужил в СССР наименование «ревизиониста» за критику советской модели социализма и призыв к новой революции. В своей книге «За возрождение надежды» он призывает к борьбе с «главным врагом» — «капитализмом сегодняшнего дня» и его «иллюзиями парламентаризма», а «новыми революционными силами» называет народные массы, в том числе студенчество. Завершается книга призывом: «Предстоит совершить самую великую из революций»¹².

Другой известный французский мыслитель Жан Поль Сартр также был членом компартии, критиковал пороки капиталистического общества и осуждал агрессию США во Вьетнаме. В то же время в конце

¹¹ История Китая. М., 2004, с. 674–686.

¹² Гароди Р. За возрождение надежды. М., 1971, с. 25, 85.

1960-х годов он критиковал «буржуазный уклон» в СССР и склонялся к ультралевым идеям, заявлял о солидарности с маоизмом.

В своих попытках «дополнить» марксизм Сартр способствовал появлению течения атеистического экзистенциализма. Этические воззрения его определяются чистой субъективностью, и основным критерием морали для него становится свобода личности: «человек всегда и целиком свободен или его нет вовсе»; каждый человек «вынужден сам изобретать для себя свой закон», выбирать свою собственную мораль.

В 1968 г. семидесятилетний Герберт Маркузе, философ и социолог, преподававший в государственном университете Сан-Диего (США), неожиданно приобрел широкую известность своей идеей «великого отказа». Он сам был поражен, оказавшись «теоретиком студенческой революции». В своих теоретических работах Маркузе отрицал существование принципиальной разницы между капиталистической и социалистической системами на том основании, что обе они являются модификациями индустриального общества с мощными производственными силами, и в обеих существует состояние «несвободы». Он предлагал «Великий Отказ» как от капитализма, так и от социализма. Маркузе полагал, что в ходе современного социального кризиса произошло формирование «одномерного» человека, утратившего критическое отношение к обществу. Этот тип личности стал массовым, в результате чего, утверждал Маркузе, широкие народные массы уже не могут быть носителями революционной инициативы, она переходит к «аутсайдерам» — студенчеству, национальным меньшинствам, безработным. Впрочем, по мнению Т. Пиркера, Маркузе разрабатывал «теорию метафизической революции» и представлял «революционное насилие лишь как образ»¹³. Но эти идеи были востребованы.

Идея перманентной революции в XX веке связана прежде всего с именем и деятельностью Л.Д. Троцкого. Троцкистское движение продолжало существовать в трудах идеологов (Режи Дебре, Франц Фанон) и практиков.

В октябре 1967 г. в Боливии погиб Че Гевара, желавший поднять в этой стране революцию, подобную Кубинской. В начале 1968 г. в центре Гаваны ему, олицетворению революции, поставили памятник. И происходит фактическая «канонизация» одержимого идеей революции Че, улыбающегося, «вечно молодого», с бородой и в берете, как «революционного святого». *Кульм Че* распространяется по всему миру.

А сам Фидель Кастро, лидер Кубинской революции, в 1968 г. отвернулся от СССР. 14 марта он провозгласил «революционное наступление» для создания «нового человека». Прежде всего, были

ликвидированы все остатки частного сектора (прачечные, ларьки, гаражи, бары и рестораны). Кастро желал «чистого коммунизма» и обещал избавление от «мистики денег».

Считаем уместным поставить в ряд идеологов Революции 1968 г. имя человека, весьма далекого от идеологической борьбы — это доктор Бенджамин Спок. Американский педиатр всего лишь выпустил в 1946 г. книгу «Ребенок и уход за ним». Книга стала одним из крупнейших бестселлеров в истории США, а затем завоевала и весь западный мир.

Спок предложил новый, революционный, подход к воспитанию детей: ребенок изначально имеет права, родители должны относиться к детям как к самостоятельным личностям, не стесняя их нормами послушания и дисциплины. Это потом, спустя десятилетия, обнаружили, что идеи доктора Спока не во всем верны (рекомендация спать младенцу на груди, а не на спине, оказалась смертельно опасной; запрет на укачивание плачущего ребенка привел к тому, что из-за отсутствия у младенца информации от матери на тактильном уровне было нарушено воспитание у нескольких поколений детей). А в 1968 г. в жизнь вступило первое поколение «детей доктора Спока», воспитанных по принципу *pop-frustration* (без расстройства, без разочарования), фактически устранившего иерархические отношения между людьми.

Таким образом, помимо привычных идейных (религиозных) и идеологических (либерализм, коммунизм) конструкций, в западном обществе в 1968 г. стали широко известны смелые и радикальные идейные построения разного толка, совпадающие, однако, в одном — радикальном отвержении безусловного авторитета и власти, Традиции и господствующего порядка.

Казалось бы, что такое — идеи, так, сотрясение воздуха. Однако именно идеи названных выше нескольких деятелей западноевропейской культуры и политическая практика малой части представителей молодежи в нескольких странах привели к радикальным переменам в мировосприятии и мировоззрении целого поколения во всем мире.

Наконец, нельзя не упомянуть и об идеологии «правых», сформировавшегося на Западе «массового общества». Она вроде бы неопределенна, лишена четких формул («довольство, благополучие, работа, послушание») и не имеет своих лидеров, однако именно под ее мягким воздействием формировалось новое поколение (большинство) западного среднего класса, покорное и послушное власти.

В то же время царствующий дух прагматизма порождал смутную неудовлетворенность. «Складывается впечатление, что в конце 60-х гг. влияние секуляризации внезапно сказалось, наконец, в полной мере на образованных американцах, которые теперь отчаянно ищут какие-то устойчивые ценности и не находят их, — писал в 1973 г. американский социолог П. Холландер. — Кризис авторитета взрослых

¹³ Перманентная революция от Маркса до Маркузе. Сборник статей. М., 1971, с. 130.

в школе, как и в семье, поддерживается также общим преклонением перед молодежью, молодостью, новизной, усилившимся на протяжении последнего десятилетия и, видимо, связанного с растущими сомнениями в отношении ценностей, норм жизни и опыта прошлого»¹⁴.

3

Помимо идеологических, существовали и объективные причины, сделавшие возможным «революцию новых левых».

В 1960-е годы молодежь в возрастном интервале от достижения половой зрелости (которая в развитых странах теперь наступала на несколько лет раньше, чем у предыдущих поколений) и до 25 лет, когда молодые люди фактически и формально обретали статус «взрослых», неожиданно осознала себя независимой общественной силой. Молодые люди с готовностью воспринимали политически радикальные идеи ради утверждения своей «взрослости», самостоятельности, и ради отвержения своего неравноправного, формально «подросткового статуса», отрицания ставшего им чуждым «мира взрослых», то есть всех старше 30 лет. Таким образом, молодежь оказалась отрезанной от прошлого своего народа и своей страны, от опыта поколений, от корней своей цивилизации — точно так же, как это произошло в результате великих революций в России в 1917 г. и в Китае в 1949 г.

Впрочем, если искать исторические прецеденты, то их можно обнаружить и ранее. Платон в своем трактате «Законы» (354 г. до н.э.) указывал на возможную опасность, когда молодые «колеблют единообразие»: «они вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают приятными разные вещи», они «не признают раз навсегда установленных правил о том, что благообразно и что безобразно, но особенно высоко чтят тех людей, которые постоянно вводят какие-то новшества, что-то иное, непривычное во внешний облик, в цвета и в другие подобные вещи... мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более губительного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодых людей и заставляет их бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повторяю: для всех государств нет худшего наказания, чем подобного рода мнения и установки»¹⁵.

Изменилось не только социальное положение, но и социальная роль молодых, которые стали «мотором» социально-экономического развития. Молодые росли в послевоенную эпоху стабильности и широких возможностей, не боялись нового и были готовы рисковать. Мальчики и девочки уже не стре-

мились прежде всего получить работу, в отличие от своих родителей, а могли запросто бросить ее, например, для того, чтобы съездить в Непал. Стремительное и широкое внедрение в повседневную жизнь многих достижений научно-технической революции давало им некоторое преимущество перед предыдущим поколением, более консервативным и менее способным к усвоению новых техники и технологий. У пожилых людей это порождало мнение о своей неполноценности, у молодых — о своем превосходстве. Поколения поменялись местами: дети стали учить родителей.

Сыграли свою роль урбанизация и рост городского населения. Молодежная культура, естественно, оставалась городской, и это вызвало к жизни *молодежный интернационализм*, «метками» которого стали джинсы и рок-музыка. Слова рок-песен, как правило, не переводились, тем самым *английский язык становился языком общения молодых*. Возникший во второй половине 1960-х годов обмен студентами между западными университетами, а также молодежный туризм закрепляли особое положение «молодежного интернационала».

Высокий уровень и качество жизни западноевропейских стран и США, в свою очередь, создали предпосылки для формирования *глобальной молодежной культуры*.

«Золотой век» prosperity в 1950–1960-е годы привел к тому, что подростки располагали большими, чем их родители в их годы, денежными суммами, которые могли расходовать самостоятельно; они располагали большим свободным временем, потому что не были обязаны работать для помощи семье. «Покупательную способность молодежи, — отмечал Э. Хобсбаум, — можно измерить продажами грампластинок в США, которые выросли с 277 млн. долл. в 1955 г., когда рок только появился, до 600 млн. в 1959 г. и 2 млрд. в 1973 г.»¹⁶

Наконец, и в политической жизни стран мира неожиданно была осознана важность нового фактора, роль и значение которого поначалу повсеместно недооценивалась — это молодежь. Мир, которым правила геронтократия, поначалу не оценил этого явления. Лидерам большинства ведущих стран мира в 1960-е годы было за 70 лет (К. Аденауэр, Л. Эрхард, Ш. де Голль, Ф. Франко, Н.С. Хрущев, И. Тито, Мао Цзедун, Хо Шимин, Сукарно).

4

Молодые люди из рабочих окраин больших индустриальных городов, имевшие низкий достаток, минимальные шансы для получения высшего образования и престижной работы были обречены на социальную роль «синих воротничков». Однако в отличие от предшествовавших столетий эти мо-

¹⁴ Холландер П. Советское и американское общества. Сравнительный анализ. М., 1974, с. 212.

¹⁵ Платон. Диалоги. Книга вторая (пер. с греч.). М., 2008, с. 959.

¹⁶ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004, с. 351.

лодые росли и формировались в условиях подъема массовой культуры, они все получали обязательное начальное и неполное среднее образование, что усиливало неудовлетворенность своим положением.

Молодые люди не видели для себя места в господствующей культуре с ее нормами, правилами и запретами — и они отвергли эту культуру. Полуграмотные подростки, не обузданные ни воспитанием, ни традицией, руководствовались своими эмоциями и темпераментом.

И все-таки центрами бунта стали не рабочие окраины, а университеты. Вызывал удивление тот факт, что студенчество представляло собой средний класс, тот привилегированный и обеспеченный социальный слой, который ранее неизменно служил основой стабильности общества. Впрочем, Э. Хобсбаум отмечал, что группы молодежи, «не нашедшие себе пока места во взрослой жизни, являются традиционным средоточием высоких идей, волнений и беспорядков, о чем знали еще ректоры средневековых университетов»¹⁷.

Глобальный мятеж не был спланирован и не был организован, однако это не означает, что он возник на пустом месте. Совпали объективные предпосылки (возрастание доли молодежи в составе населения, само по себе расширение сферы высшего образования) и субъективные поводы (неправомерные действия властей разного уровня, антивоенное движение, борьба против расовой сегрегации). Нашлись также идейные вдохновители и практические руководители.

Стоит назвать также технологический фактор: именно в 1968 г. средства массовой информации впервые проявили силу влияния на умы и действия людей (тогда М. Маклюэн ввел понятие «мировая деревня»). Видеозапись и прямое спутниковое вещание кардинально изменили новостные передачи телевидения, усилив впечатление (иллюзию) прямого сопереживания. Наконец, существенно развились средства сообщений: даже молодые люди могли на автомобиле или скоростном поезде в течение суток перемещаться по всей Европе.

И все-таки, нельзя не удивиться фактору случайности. Ведь действующий мэр Чикаго или ректор Сорбонны разумнее и дальновиднее, гибче и осторожнее, — «революция 1968 года» пошла бы иначе или случилась позднее.

Главной причиной, вызвавшей события 1968 г., стал кризис системы ценностей.

Все многообразие причин и поводов политических событий 1968 г. можно свести к одному: это был мятеж против авторитета. Мятеж против любого авторитета — родного отца, полицейского, ректора университета, директора завода или президента страны. Отвергалась вся система ценностей, молодое поколение (прежде всего в странах Западной Европы) ощущало себя отделенным от всего осталь-

ного мира, отчужденным от своей цивилизационной основы.

1968 г. был ужасным годом, и все же многие по-том испытывали по нему ностальгию.

Что же это было: случайное проявление недовольства разных социальных сил по разным поводам, воспринимаемое нами в единстве лишь в силу ретроспективности, или все же кризис западной (европейской) индустриальной модели развития? Полагаем, второе.

В большинстве стран Запада старый социальный строй был расшатан, но не разрушен. Революция 1968 г., как всякая революция, забежала далеко вперед в своих радикально исконных целях, но, вследствие невосприятия этих целей большинством общества, откатилась немного назад.

Некоторые революции «заканчиваются быстро, не успевая разрастись и углубиться», — отмечал П.А. Сорокин. Это вызвано тем, что «их причины — как необходимая, так дополнительные — были поверхностны и легко устранимы. Это означает, что их необходимая причина — дезинтеграция преобладающих религиозных, нравственных, юридических и социальных ценностей — зашла не очень далеко»¹⁸. Власти не только использовали силу для подавления революционных выступлений, но также сумели провести обновление некоторых социальных и политических институтов, залатали и заштопали обнаружившиеся прорехи, не покушаясь, естественно, на пересмотр основополагающих принципов системы. Тем не менее, такие традиционные социальные институты западного общества, как община, семья и Церковь, были существенно поколеблены; в социалистических странах упал авторитет партии и государства.

Революционные потрясения вызвали заметные положительные перемены в общественной жизни стран Запада. Происходила ускоренная переоценка всех ценностей, крушение иллюзий и незыблемых ранее идеалов, огромные сдвиги в мировоззрении общества, которое адаптировалось к новым условиям жизни.

В США и многих западноевропейских странах был существенно — до 18 лет — понижен возрастной ценз на выборах в органы власти. Впрочем, именно слой молодежи от 18 до 21 года оказался наименее заинтересованным в том, чтобы участвовать в выборах. В США в августе 1968 г. был принят закон о жилищном строительстве, в том числе — квартир для бедняков. С января 1969 г. начинается постепенная ликвидация дискриминации по расовым основаниям (при найме квартир и владении домами).

В ФРГ в 1969 г. к власти пришли социал-демократы (впервые с 1930 г.) под лозунгом «Отважиться на расширение демократии!». Начались реформы во всех сферах жизни общества. В большей части фирм

¹⁷ Там же, с. 322.

¹⁸ Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствий (пер. с англ.). СПб., 2012, с. 231.

появились производственные советы, в которые вошел представитель молодых рабочих. По закону о «перераспределении собственности» рабочие стали получать именные сертификаты на постепенно растущую сумму. В ходе реформы образования была введена система стипендий и бесплатного обучения в вузах. В результате к 1970 г. число студентов из рабочих семей выросло с 7 до 14%¹⁹.

Во Франции власти вынуждены были согласиться на подписание Гренельских соглашений о повышении зарплаты, сокращении рабочей недели, улучшении условий труда, гарантии прав профсоюзов. Майские события 1968 г. привели в конечном счете к отставке генерала де Голля с поста президента. В 1969–1972 гг. были проведены социальные реформы под лозунгом «нового общества» (реорганизация высшей школы, расширение прав профсоюзов на предприятиях, введение дополнительных пенсий и т.п.). В 1971 г. образовалась новая Социалистическая партия.

Конечно, хиппи и панки и иные течения сменились новыми, а бывшие бунтари умылись, побрились и переоделись в «нормальные» костюмы. Однако привнесенные ими в общественную жизнь Запада агрессивные и саморазрушительные начала протеста против *власти и авторитета* никуда не исчезли. Нигилизм пустил глубокие корни.

За ускорение развития надо платить. И Запад заплатил немалую цену за модернизацию — ускорение своего развития и обновление модели индустриального общества, успешно развивавшегося до нового рубежа — начала 2000-х годов, начала нового кризиса системы.

5

С точки зрения прогнозирования привычным было сопоставление однородного опыта стран Востока. Так, в политике турецкого премьер-министра Эрдогана видны элементы отторжения опыта Ата-турка, в курсе президента Ирана Ахмадинежада — следование курсу умеренной модернизации Реза-шаха. Но в начале XXI века весь мир уже находится в современном состоянии (частью в полусовременном или постсовременном). Существует набор объективных условий, обуславливающих определенный ход действий и направление развития. Зная некоторые исходные параметры, можно с определенной долей вероятности ожидать определенных действий или исключать определенные последствия.

К. Перес, рассматривая механизм Технологической революции, указывает на прохождение общественной системой «сложного и длительного жизненного периода, в течение которого грядущее истощение... потенциала становится все более заметным». Поэтому, указывает она, «стремление четко обозначить

дату “Большого взрыва”... полезно для формирования представлений о последующей цепочке событий. Рассматриваемое событие, с виду незначительное, воспринимается новаторами своей эпохи как указание на то, на что способны новые технологии в будущем, и как сигнал к деловой активности»²⁰. «Большой взрыв» — знаковое событие, определяющее основной вектор последующего развития общества. Одним из таких событий на Западе (наряду с технологической революцией и гегемонией финансового капитала) стала революция 1968 г. Таким образом, отмечает К. Перес, «потoki развития... зарождаются в странах, образующих экономическое “ядро”, и постепенно переносятся от “ядра” к периферии. Это означает, что даты всплесков экономического развития (равно как и более медленного идейного, политического. — А.Я.) различны в разных странах и разница может составлять от 20 до 30 лет в некоторых случаях»²¹.

«Арабская весна» 2011 г. стала очевидным, хотя и не буквальным, повторением движений молодежного протеста стран Запада: бунтом молодых против власти стариков. Однако иные цивилизационные основы арабского общества и иной исторический опыт породили иные последствия протеста.

Во второй половине XX века арабские общества пережили этапы национального освобождения, становления национальной экономики, модернизации путем проведения социально-экономических реформ и к концу XX века обрели определенную устойчивость, а также многие качества современного общества. Правящие и господствующие слои в арабских странах стремились к сохранению выгодного для них общественного порядка. Однако постепенно стали проявляться те объективные и субъективные факторы, которые неизбежно вели к усугублению кризиса. Теоретически власти имели возможность упредить стихийный протест, однако в реальной жизни крайне редко встречается подобная дальновидность власть предержащих.

Доля молодежи в структуре населения арабских стран стала очень большой. «Молодежный бугор», необычно высокая доля молодежи в 30–40% в общем взрослом населении, стал очевиден, а у власти не имелось средств для его нейтрализации. Между тем высокая концентрация молодежи вела ее к внутреннему сплочению и поискам общей позиции.

Уровень и качество жизни в городах оказались вполне удовлетворительными не только по региональным, но и по мировым меркам, несмотря на безработицу и определенный рост цен на продовольствие в 2007–2008 годах. Первое объяснение «Арабской весны» бойкими журналистами оказалось неверным: не голод, не нехватка лепешек вывели людей на улицы. В Египте социально-экономи-

¹⁹ Патрушев А. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007, с. 591–592.

²⁰ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011, с. 36, 35.

²¹ Там же, с. 33.

ческая ситуация была в начале 2011 г. вполне благополучной, доля людей, живших менее чем на 1\$ в день (уровень критической бедности), составляла менее 2%²².

Возросший уровень образования молодых людей наряду с демонстрационным эффектом западной модели развития привел к возрастанию неудовлетворенности существующим порядком. Современная молодежь решительна и мобильна, потому что всегда тянется от скучного старого порядка родителей к привлекательным новым идеям, тем более — к идеям, бросающим вызов несправедливой власти, а также еще не имеет обязательств в отношении семьи и общественного положения.

Казалось бы, это очевидно сближает ситуацию с событиями 1968 г. И до 2011 г. в таком ракурсе и рассматривались либерального толка наблюдателями перспективы грядущей «Арабской революции»: «Будущее Ближнего Востока покажет (как показало время в других районах мира), что угнетенных, стремящихся к борьбе за свободу, намного больше, чем можно подумать»²³, — писал в июле 2010 г. живущий в США ливанец Валид Фарес.

Однако модернизация восточных стран во второй половине XX века изменила (более или менее успешно) их социально-экономический строй, но в намного меньшей степени мировоззрение и мировосприятие людей, остававшихся в массе своей верными Традиции. В свое время Ш. Эйзенштадт указывал на особенную приверженность восточного общества своим традициям, в связи с чем власти «нужно сознательно использовать традиции, включая религию, для осуществления модернизации»²⁴.

Идеологический фактор сыграл огромную роль в общественной жизни Запада. Ж.Ф. Лиотар даже называл всю современную эпоху Запада в XVIII–XX вв. «эпохой идеи», которой предшествовала более протяженная «эпоха веры». Идеология породила и сформировала протестное левое движение на Западе в 1968 г. Но эпоха идеологии закончилась на Западе к концу XX века, а на Востоке оказалась скоротечной,

там еще не успели изжить «эпоху веры». В 2011 г. арабская улица бушевала не под идеологическими, а под религиозными, социальными и политическими лозунгами. На Ближнем Востоке результатом молодежных протестов оказалось *торжество Традиции*.

В отличие от событий 1968 г., немалую роль сыграл внешний фактор (хотя в то время таковым могла рассматриваться война во Вьетнаме). В этой роли выступили западные страны, прежде всего США и Франция, а также монархические режимы в странах Аравийского полуострова, прежде всего Саудовская Аравия и Катар. В то же время в каждой стране имелись конфликты внутри правящих и господствующих групп, имелась и оппозиция — исламская и либеральная, предлагавшие свой набор идей и лозунгов.

В сложившихся объективно обстоятельствах, как и на Западе сорок с лишним лет назад, дело оставалось за малым — за поводом. И он, конечно же, нашелся. 17 декабря 2010 г. 26-летний тунисец Мухаммед Буазизи, униженный самоуправством властей, совершил самоубийство. В первые дни января 2011 г. независимые каналы и Интернет сообщили о его смерти²⁵. Эта трагедия взорвала тунисское общество. Десятки тысяч человек вышли на улицы...

Каждая из сил, действовавших в ходе «Арабской весны», имела свои собственные интересы, не совпадавшие, иногда прямо противоположные интересам других сил, но их объединяло стремление к уничтожению существующей политической власти. В протесте против власти сошлись все социальные силы, и кумулятивный эффект от сложения разнородных сил оказался впечатляющим. Однако в отличие от событий 1968 г. протест арабской улицы не был направлен на сокрушение авторитета — Традиции.

Как бы то ни было, большая часть Ближневосточного региона обрела новое качество и новые перспективы. И вновь, как и в 1968 г. на Западе, тараном, сокрушившим старый порядок, оказалась молодежь.

²² Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012, с. 31.

²³ Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М., 2012, с. 448.

²⁴ Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999, с. 79.

²⁵ См.: Васильев А., Петров Н. Рецепты Арабской весны: русская версия. М., 2012.